

ческого протекционизма родного языка и внедрения параллельного обучения на АЯ приводит к институциональному билингвизму, уровень которого зависит от принадлежности к конкретной научной области и от англоязычной коммуникативной компетенции студентов и преподавателей.

Пути реализации параллельного обучения на АЯ все еще недостаточно разработаны и не достигнуто понимание того, что в условиях глобализации цели университетского сообщества заключаются не столько в овладении специализированным АЯ,

сколько в овладении специализированными формами профессиональной транснациональной коммуникации.

Связанные с возрастом и принадлежностью к конкретной научной области расхождения мнений свидетельствуют о том, что процесс параллельного использования языков в шведских университетах находится в развитии и еще далек от полного завершения. Однако же, никто из респондентов не выразил сомнения в том, что английский имеет статус второго языка в университетской практике.

Библиографический список / References

1. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism: The English language in the outer circle. Quirk R., Widdowson H. (Eds.) *English in the world: Teaching and learning the language and literatures*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985: 11 – 36.
2. Teleman U. Det nordiska språksamarbetet. *Idéer och framtidsuppgifter. Nordic language cooperation. Ideas and future challenges*. Språki Norden, 1989: 14 – 32.
3. UKÄ (Swedish Higher Education Authority), 2017. Available at: <http://english.uka.se/statistics.html>
4. Mål imun: förslag till handlingsprogram för svenskspråket. *Objectives in language: proposals for action program for the Swedish language*. Kommittén för Svenska Språket. Fritzes, 2002. 593 s. Available at: www.regeringen.se/sb/d/108/a/1443
5. Bästaspråket – ensamladsvensk språkpolitik. *Best language – a concerted language policy for Sweden*. Swedish Government. Stockholm, Sweden. 2005. Available at: <http://www.sweden.gov.se/content/1/c6/05/07/61/d32f62b5.pdf>
6. Språklag. *The Language Law*. Swedish Government. Stockholm, Sweden. Available at: 2009. <http://62.95.69.3/SFSdoc/09/090600.pdf>
7. Language policy for Göteborg University. *The Language Policy Committee at Göteborg University*. Göteborg University, 2006.
8. Language policy at Swedish University of Agricultural Sciences. Sveriges lantbruks universitet, 01.07.2016.
9. *Language policy for KTH*. Royal Institute of Technology in Stockholm, 2009.
10. Language policy for Umeå University. *Working party for the formulation of a language policy*. Umeå University, 22 April 2008.
11. *Lund University Language Policy*. Lund University, 19 June 2014.
12. Wächter B., Maiworm F. *English-taught programmes in European higher education. The state of play in 2014*. Bonn: Lemmens, 2014.
13. Airey J., Lauridsen K.M., Räsänen A., Salo S., Schwach V. The expansion of English-medium instruction in the Nordic countries: Can top-down university language policies encourage bottom-up disciplinary literacy goals? *Higher Education*. 2017; 73; Vol. 4: 561 – 576.
14. Deklaration om nordisk språkpolitik. *Declaration on a Nordic language policy*. Nordic Council of Ministers 2006. København: Nordisk ministerråd, 2007. 96 p.
15. Gregersen F., Josephson O. Språkpolitik och internationalisering på nordiska universitet. *Language policy and internationalization at Nordic universities*. F. Gregersen (ed.). Hovorparallelt om parallellspråkighet på Nordens universitet. Copenhagen, Denmark: TemaNord. 2014: 35 – 53.
16. Källkvist M., Hult F. Discursive mechanisms and human agency in language policy formation: negotiating bilingualism and parallel language use at a Swedish university. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2016; N 19; Vol. 1: 1 – 17. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/13670050.2014.956044>
17. Saló L. Languages and Linguistic Exchanges in Swedish Academia. *Practices, Processes, and Globalizing Markets. Doctoral Dissertation*. Stockholm University, 2016.
18. Kuteeva M., Airey J. Disciplinary differences in the use of English in higher education: reflections on recent language policy developments. *Higher Education*. Springer Netherlands, 2014. Vol. 67, N 5: 533 – 549.
19. Kuteeva M. The parallel language use of Swedish and English: the question of 'nativeness' in university policies and practices. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2014; N 35; Vol. 4: 332–344. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/01434632.2013.874432>
20. Bolton K., Kuteeva M. English as an academic language at a Swedish university: parallel language use and the "threat" of English. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*. 2012; N 33: 429 – 447.
21. Hicks R. *Speaking rate and information content in English lingua franca oral presentations*. *English for Specific Purposes*. 2010; Vol. 29; Issue 1: 4 – 18.

Статья поступила в редакцию 20.02.18

УДК 821.112.2: 81'373.42

Brik A.V., postgraduate, Northern Arctic Federal University n.a. M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia),
E-mail: brik.arthur@gmail.com

SYNTAX OF VERBAL UNITS WITH THE MEANING OF TACTILE ACTIVITY AS LINGUISTIC SIGNS IN THE LATEST GERMAN DRAMA. The article represents the ability of verbal units with the meaning of tactile activity to create different connections throughout the dramatical text. These connections carried out under the syntax parameter of a sign can be realized by means of projection. The projection can be defined as a special reference form of a linguistic sign to the specified location of text. The author uses the concept of title projection in this work which has never been appeared academically before. Title projection is a special reference form which link verbal units under study here and title of dramatical text itself. Along with title projection author highlights such reference forms as retrospection and prospection. The examination of reference forms supplemented here by incorporation of valence capacity of verbs with the meaning of tactile activity.

Key words: verb with meaning of tactile activity, syntax parameter, coherence, reference form, title projection, retrospection, prospection.

A.B. Брик, аспирант, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск,
E-mail: brik.arthur@gmail.com

СИНТАКТИКА ГЛАГОЛЬНЫХ ЕДИНИЦ ТАКТИЛЬНОГО ДЕЙСТВИЯ КАК ЯЗЫКОВЫХ ЗНАКОВ В СОВРЕМЕННЫХ НЕМЕЦКИХ ДРАМАТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ

Статья посвящена изучению глагольных единиц тактильного действия как языковых знаков, способных создавать связи с различными элементами текста драматического произведения. Утверждается, что данные связи реализуются в рамках синтаксического параметра знака через формы отсылки, которые называются проекциями. Автор предлагает ввести в научный оборот понятие титульной проекции. Данная проекция прослеживается в случае наличия связи исследуемых единиц

с названием драматического произведения. Устанавливается, что наряду с титульной проекцией, в синтактике ремарочных глагольных единиц тактильного действия могут реализовываться ретроспективная и проспективная виды проекции. Данное направление дополняется рассмотрением валентностного потенциала глаголов анализируемого типа.

Ключевые слова: глагол тактильного действия, синтаксический параметр, когерентность, форма отсылки, титульная проекция, ретроспекция, проспекция.

Как и любой текст, текст драматического произведения представляет собой осмысленное соединение языковых знаков, расположенных в темпорально-линейной последовательности [1]. Независимо от формального расположения языковых единиц в тексте правила их сочетаемости друг с другом позволяют им создавать обширные связи между собой, которые могут охватывать весь пространственно-временной континуум драматического произведения. Эти связи реализуются в рамках такого параметра знака как синтактика. В классической терминологии Ч. Морриса этот параметр называется «синтаксическим измерением семиозиса» [2, с. 50].

Ч. Моррис указывает на то, что синтактика «разработана лучше других отраслей семиотики» и «развивать синтактику в некоторых отношениях проще, чем другие отрасли семиотики, ибо значительно легче узнать отношение знаков друг к другу, особенно в случае письменных знаков, как отношения, определенные правилом» [2, с. 56 – 58]. Данное наблюдение подтверждается рядом исследований, посвященных изучению синтактики [3; 4; 5; 6; 7].

Г. В. Токарев указывает на то, что семиотика занимается синтактикой только во взаимосвязи с семантикой [6]. Однако, на наш взгляд, связывать синтаксический параметр лишь с семантическим не совсем правомерно, поскольку четыре основных параметра изучения знака (семантика, синтактика, прагматика, денотатика), которые чаще всего выделяются на сегодняшний момент учеными в рамках лингвосемиотики, взаимодействуют друг с другом в равной степени. В вопросах учета взаимосвязи четырех семиотических параметров мы присоединяемся к мнению Ю.А. Левицкого, который утверждает, что все «параметры, связанные с характеристикой говорящего, проявляются в процессе <...> языкового (речевого) взаимодействия говорящего и его партнера (партнеров)» [8, с. 189].

Ученые, занимающиеся изучением лингвосемиотики, единодушны во мнении, что каждый языковой знак служит для обозначения чего-то. Французский семиолог Р. Барт, например, утверждает, что «любой знак включает в себя или предполагает наличие трех типов отношений. Прежде всего – внутреннее отношение, соединяющее означающее с означаемым, и далее – два внешних отношения. Первое виртуально; оно относит знак к некоторому определенному множеству других знаков, откуда он извлекается для включения в речь» [9, с. 180]. Этот тип отношений, согласно Барту, «отчетливо обнаруживается в явлении, называемом обычно символом; <...> Второе отношение актуально, это отношение «присоединяет знак к другим знакам высказывания, предшествующим ему или следующим за ним в речевой цепи» [там же]. Такие отношения между знаками возникают на основе различий, необходимых и достаточных для изменения смысла, т. е. на уровне морфем – минимальных значимых частей слова. Этот план отношений является системным, его ученый называет парадигматическим. Во внутреннем типе отношений знак согласовывается уже не своими «братьями» (виртуальными), а своими «соседями» (актуальными) – тем, что в лингвистической науке принято называть «ближайшим окружением лексемы». В ремарочном предложении *Umarmt rasch den Alten* [10, S. 185], например, глагол *umarmen* поддерживает связи с лексемами *rasch* и *der Alte*. Этот план отношений «реализуется в синтагме», поэтому такой тип отношений, по Барту, называется синтагматическим [9, с. 181].

Ученые выделяют также отношение знаков к явлению, событию, ситуации или их определенному множеству, обозначаемых языковым знаком и составляющих социально значимую среду его использования [11; 12; 13]. Такой тип отношений называют денотативным. Тем не менее, денотативный параметр языкового знака является предметом самостоятельного исследования, выходящего за рамки нашей работы, поэтому мы ограничимся лишь его упоминанием.

Для проведения лингвосемиотического анализа глагольных единиц со значением тактильного действия как языковых знаков, реализующих свой потенциал в коммуникативной и смысловой структуре современных немецких драматических произведений, необходимо более подробно остановиться на том типе отношений, который Барт называет синтагматическим, т. е. на связи

между знаками, возникающей в процессе их сочетаемости друг с другом [14, с. 22]. Связность текста формирует целостность драматического произведения, которая описывается в науке о знаковых системах с помощью термина «когерентность».

Когерентность текста основывается на смысловой непрерывности «мира текста», т. е. смысловых отношений, лежащих в его основе [15, с. 119]. Она реализуется во взаимосвязи внутритекстовых и внетекстовых факторов. Внутритекстовые взаимосвязи проявляются на внутрисинтаксическом и внесинтаксическом уровне. Внетекстовые факторы связаны с восприятием текста читателем, а именно: авторской интенцией и коммуникативной направленностью, заложенными в текст.

По мнению Е.И. Шендельс, когерентность «укрепляет «текстовую память» [16, с. 10], создавая у читателя ассоциативную связь между знаками, которые могут находиться в различных частях текста. Форма отсылки одних знаков к другим называется проекцией. В зависимости от того, к какой части текста идет отсылка, будем считать, что проекция может быть ретроспективной, проспективной и титульной.

Ретроспекцию предлагается трактовать как форму отсылки реципиента к предшествующей информации, которая была общена ранее [17]. В драматических произведениях она связана с движением назад, т. е. к началу произведения (названию и списку действующих лиц), а также к предшествующим пассажам текста:

PETRUS SCHEITSPALTER So die Herrn wollten zusammentreten jetzt, um miteinander bekannt zu werden, wer sich noch nit Gesichts kennen tut, und so der kaiserliche Herr jetzt verstatet –

BERGEN Verstaten, verstaten Herr Schwager, daß man in Prunkzelt jetzt eintreten für ein Bekanntschaft und ein ersten Zugetränk, indes hier draußen die Tisch wem aufgedeckt für großmächtig Gastmahl und Speiserei?!

KAISER sieht ihn an, schlägt ihm auf die Schulter Mit Rechten, Schwager! Mit Rechten! All Ding zu seiner Stund ... <...> [10, S. 164].

В данном фрагменте текста события, представляемые ранее в произведении, предвдвуют действие, оформленное в ремарке в форме вербального описания жеста похлопывания по плечу, означающего согласие с тем, что говорил партнер по коммуникации. Ретроспективная проекция исключает, таким образом, присутствие в тексте информации, которая не была бы известна реципиенту заранее.

Некоторые ученые полагают, что ретроспекция выполняет в тексте одновременно три основные задачи: «1) восстанавливает в памяти ранее представленные факты или сведения, 2) дает возможность переосмыслить уже известные сведения в новом контексте, 3) актуализирует отдельные части текста» [17, с. 67]. С этим трудно не согласиться и в отношении рассматриваемых глагольных единиц как знаков в тексте драматического произведения.

Немаловажную роль в создании ретроспективной проекции могут играть местоимения. В следующем примере главная часть ремарочного предложения связана с придаточной частью посредством относительного местоимения *die*. Последнее указывает на предшествующее существительное, определяемое придаточной частью:

GRAF UND GRÄFIN begrüßen die Kaiserin, die ihre Schwester kurz umarmt und dem Grafen die Hand gibt [10, S. 162].

В данной ремарке отражены сразу два взаимосвязанных тактильных действия, следующих одно за другим. Соединенные с помощью союза *und* глагольные единицы обозначают разные формы приветствия.

В синтактике языкового знака помимо ретроспекции следует учитывать и проспекцию. Под проспекцией будем понимать тип связности текста, который относит получателя информации к тому, о чем речь пойдет далее [17, с. 68]. Следующий пример представляет собой наглядную демонстрацию проспективной проекции для глагольных единиц тактильного действия:

VINCENT Weiß keiner, wer die sind? Und was die hier suchen? Verzeiht, Vater, ich komm ohne Gruß und brech herein hier wie der Hagel ins Kraut – Umarmt rasch den Alten – schweigt, Vater, ich weiß, ich dürft's nit, ich wollt's auch nit! [10, S. 185].

Ремарочное предложение *Umarmt rasch den Alten* вклинивается в речь персонажа по принципу парантезы, а обозначаемое им тактильное действие можно рассматривать в качестве контактоподдерживающего средства, с помощью которого Винсент, главное действующее лицо драматического произведения К. Цукмайера „Der Hauptmann von Köpenick“, дает понять своему отцу, чтобы тот помолчал и дал сыну возможность высказаться полностью.

В качестве следующей формы отсылки в синтактике глагольных единиц тактильного действия можно выделить титульную проекцию (от англ. title – «заглавие», «название»), которая прослеживается в случае наличия связи исследуемых единиц с названием драматического произведения. Рассмотрим данный вид проекции на примерах из произведения О. Буковски „Das Lachen und das Streicheln des Kopfes“.

Случаи повсеместного употребления в тексте глагола тактильного действия *streicheln* наряду с существительным *Kopf*, находящимся в его ближайшем окружении, демонстрируют очевидную связь с девербативом *das Streicheln* и соматическим существительным *Kopf* в заглавии. Путем соотнесения глагола *streicheln* и существительного *Kopf* из ремарочного предложения *Geht selbst um den Tisch herum und birgt ihren Kopf an seiner Brust und streichelt ihn* [18, S. 5] с названием произведения, можно прийти к выводу, что здесь прослеживается титульная проекция.

Отсылка к названию произведения прослеживается также в следующей ремарочной комментарии автора:

Sie setzt sich steif; Mo sucht mit ihrem Kopf ihren Schoß; Ruth streichelt ihn und summt ein Kinderlied; Mo macht sich ärgerlich los [18, S. 26].

В данном случае глагол *streicheln*, обозначающий тактильное действие, связан как с предшествующим существительным *Kopf*, так и с самим названием драматического произведения.

Аналогичное тактильное действие поглаживания головы можно обнаружить и во многих других ремарках: *streichelt ihr das Haar* [18, S. 30]; *streichelt Franz den Kopf, streichelt Ruths Kopf* [18, S. 37–38]. Существительное *Haar* в первом случае представляет собой метонимический перенос, т. е. перенос значения, когда название части целого (*Haar* – «волосы») используется для наименования целого (*Kopf* – «голова»). Во втором и в третьем случаях глагольные словосочетания включают в себя помимо обязательного актанта (существительного *Kopf*) еще и имена собственные, обозначающие адресатов тактильного действия.

Специфика драматических текстов О. Буковски заключается в ярко выраженном языке тела. Он призван описывать осязательное поведение героев, которое подчиняется общепризнанным стандартам социального взаимодействия индивидов [19]. Именно этим объясняется сознательное «насаждение» автором глагольного сочетания *Kopf streicheln*, которое обнаруживается на протяжении всего текста произведения и затрагивает не только заглавие и ремарочный комплекс, но и диалогическое единство, так что вся коммуникативная и смысловая структура текста завязана на тактильном действии поглаживания головы:

Ruth: Es wird immer schlimmer. *Franz streichelt meinen Kopf*. Ich kann nur noch einundneunzig mal siebentausendvierhundertzwei undvierzig im Kopf; ich vergesse zuviel, findet ihr auch?

Franz: Und ich. Ich werde bei ihr bleiben. Komme was wolle. *Ich streichele ihren Kopf*. (Tut es.) [18, S. 38].

Для наглядности приведем еще один пример, в котором глагольное сочетание *Kopf streicheln* обнаруживается как в персонажной речи, так и в авторской. Фраза „Ich darf dich doch streicheln?“ на десятой странице произведения представляет собой некий «запрос» на установление прямого физического контакта с собеседником и предшествует ремарке *Streichelt sie* [18, S. 10], в рамках которой описывается действие, названное этим глаголом. Глагол *streicheln*, употребленный в вышеприведенной фразе, обнаруживает, таким образом, не только титульную, но и проспективную проекцию, поскольку предвосхищает грядущие события в драматическом произведении.

Следует сказать, что титульная проекция обычно бывает гораздо шире, чем ретроспективная или проспективная. Если проследить вышеупомянутые примеры употребления глагольной лексемы *streicheln*, вводимой автором в сочетании с соматическим существительным *Kopf*, можно обнаружить своеобразные «включения» других видов проекции в состав титульной. Титульная проекция обеспечивает целостность драматического текста

в содержательном плане через взаимосвязь всех его элементов: заглавия, речи авторской и речи персонажной.

Исходя из всего вышесказанного, следует присоединиться к мнению Т. Я. Кузнецовой и А. М. Поликарпова о том, что «коммуникативная направленность и логическое строение текста обуславливают выбор его языковых средств, реализующих единую содержательную направленность и смысловую цельноформленность конечного вербального продукта речемыслительной деятельности» [20, с. 149]. В нашем случае под «конечным вербальным продуктом» следует понимать текст драматического произведения. Глагол тактильного действия *streicheln*, соответствующее отглагольное имя, а также соматическое существительное *Kopf* не раз встречаются в произведении О. Буковски. Лейтмотив «поглаживания головы» красной нитью проходит через все полотно произведения – от заглавия до последнего предложения: *Streichelt ihren Hinterkopf* [18, S. 43].

В данном исследовании мы придерживаемся вербоцентрической концепции Л. Теньера, согласно которой глагольное сочетание представляет собой «результат реализации валентного потенциала образующего его глагола» или, иначе, «семантический шаблон, в который на равных правах вставляются все его элементы» [21, с. 288]. Валентность определяется при этом как «способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами» [22, с. 79]. Способность сочетаться с прямым и косвенным дополнением определяют качественные валентности глагола *streicheln*, который многочисленным образом сочетается в произведении О. Буковски „Das Lachen und das Streicheln des Kopfes“ с существительным *Kopf* в форме прямого дополнения, иногда распространяемого именем собственным (в семантической роли адресата) в форме генитива: *streichelt Franz den Kopf, Franz streichelt meinen Kopf, streichelt Ruths Kopf*.

Число возможных валентностей определяет количественную валентность глагольной лексемы. Глагол тактильного действия *anfassen*, например, в значении 'jemand berührt oder ergreift jemanden/etwas irgendwo mit der Hand' (кто-то дотрагивается до кого-либо/чего-либо или хватает кого-либо за что-либо рукой) имеет три валентности: *jemand* (1) *fasst jemanden/etwas* (2) *irgendwo* (3) *an* [23]. В этом случае можно говорить, скорее всего, о двухвалентной обязательности, а также о трёхвалентности с учётом наличия факультативного актанта. В предложении *die Mutter fasst das Kind an* у глагола *anfassen* в значении 'jemand nimmt jemandes Hand und hält sie fest' (кто-то берет кого-то за руку и держит ее) валентности всего две: *jemand* (1) *fasst jemanden* (2) *an* [там же].

Таким же образом ведет себя глагол *küssen*. В значении 'jemand/etwas gibt jemandem irgendwohin einen Kuss, Küsse' (кто-то прикасается губами к чьей-либо части тела) он имеет три валентности: *jemand* (1) *küsst jemanden* (2) *irgendwohin* (3), как, например, в ремарке из произведения М. Фриша „Biedermann und die Brandstifter“: *Er küßt Eisenring auf die Wange* [24, S. 67]. Тем не менее, как показало проведенное исследование, что значительно чаще глагол *küssen* в современной немецкой драматургии встречается в двухвалентной форме [25; 26; 27; 28; 29; 30]. Для наглядности приведем пример из произведения Х. Кульмана „Engelchens Sturmlied“, где частотность употребления глагола *küssen* в такой форме сочетаемости наиболее распространена:

GUSTCHEN Ihr beißt mir ja die Lippen wund, wenn ich Euch noch mal küßte! *Erschrickt*. Was war das...?

THEOBALD Weshalb seid Ihr so bang, – wie's Lämmchen unterm Messer!

GUSTCHEN Nur zu, nur immer zu! *Küßt ihn*. Je weher, desto besser.

THEOBALD So ist die Lieb und bleibt so, mit Küssen nicht zu stillen... *Küßt sie*.

GUSTCHEN Ach, küßtet Ihr mich hundert Jahr, Ihr tut mir nie den Willen! *Küßt ihn, zähneklappernd* [28, S. 127].

Перед нами случай тройного употребления ремарочного глагола *küssen* в сочетании с двумя обязательными актантами, первый из которых имплицитно, свидетельствует о том, что здесь реализуется две валентности (N1 + N4, где N1 – это имя существительное в форме номинатива, а N2 – имя существительное в форме аккузатива). Интересно отметить, что в последнем случае в комбинации с ним реализуется еще и сирконстант в виде наречия *zähneklappernd*, обозначающего «стучание зубами». Данное наречие выражает страх героини, контрапунктируемый такими лексемами, как *erschrecken*, *bang*, а также высказываем её партнера по коммуникации, который сравнивает её с

испуганным ягненком (Weshalb seid Ihr so bang, – wie's Lämmchen unterm Messer).

Рассмотрим глагол тактильного действия *berühren*. Данный глагол также является облигаторно двухвалентным, т. е. предполагает наличие в качестве первого облигаторного актанта номинацию лица, совершающего тактильное действие, а в качестве второго актанта – название лица, принимающего тактильное действие (адресата). В следующем примере из произведения Туррини „Alpenglühén“ облигаторные актанты глагола *berühren* выражены метоимением *er* (носитель действия, в данном случае слепой) и существительным *der Junge* в форме аккузатива (адресат действия):

Der Junge kommt in den Raum. Er hat einen Käfig in der Hand, in welchem sich ein kleiner Hahn mit Bunten Federn befindet. Der Blinde kriecht auf ihn zu. Er berührt den Jungen und erkennt ihn sofort. Er tastet ihn ab, als wolle er nicht wahrhaben, daß dies nicht Jasmine ist. Er ertastet den Käfig [31, S. 264].

Кроме того, в рамках словосочетания глагол может сочетаться с целым рядом варьирующих факультативных актантов, без обращения к которым *едва ли можно дать всестороннее истолкование изображаемому тактильному действию*: *j-n* <mit

der Hand, mit dem Arm, mit den Fingern, mit der Schnauze> *etw.* <Nase, Kinn, Wange> / *an etw.* <am Kopf, an der Schulter> *berühren*. Несмотря на то, что все позиции в глагольном словосочетании с *berühren* в той или иной степени фразеологизированы, степень фразеологизации не настолько велика, чтобы препятствовать варьированию примыкающих к глаголу факультативных актантов.

Подытоживая изложенное выше, можно сделать вывод о том, что смысловая целостность текста драматического произведения среди прочего обеспечивается взаимосвязью глагольных единиц тактильного действия как языковых знаков с различными участками текста. Благодаря существующим формам отсылки исследуемых единиц представляется возможным проследить коммуникативно-тактильное поведение действующих лиц. В синтактике исследуемых глаголов как знаков выделяются три формы отсылки глагольных единиц тактильного действия: ретроспективная, проспективная и титульная. Первая отсылает читателя к информации, которая упоминалась ранее. Вторая является предвосхищающей. Последняя прослеживается в случае наличия связи между глагольной единицей тактильного действия и названием драматического произведения.

Библиографический список

- Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim, Leipzig, Zürich: Duden-Verlag, 1993.
- Morris Ch. Основания теории знаков. *Семиотика: антология*. Москва; Екатеринбург, 2001: 45 – 110.
- Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Минск, 1983.
- Степанов Ю.С. *В трехмерном пространстве языка*. Москва: Наука, 1985.
- Сусов И.П. *Лингвистическая прагматика*. Винница: Нова Кныга, 2009.
- Токарев Г.В. *Введение в семиотику*: учебное пособие. Москва: ФЛИНТА, 2013.
- Шерстяных И.В. *Теория речевых жанров: лекционно-практический курс для магистрантов*. Москва: ФЛИНТА, 2013.
- Левицкий Ю.А. *Лингвистика текста*. Москва: Высшая школа, 2006.
- Барт Р. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Москва: Прогресс, 1989.
- Zuckmayer C. *Der Hauptmann von Köpenick: Theaterstücke*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1995.
- Аквазба Е.О. *Денотативное и коннотативное значение слова в художественном тексте (На материале лексики растительно- и животного мира в произведениях М.М. Пришвина)*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Тюмень, 2004.
- Апресян Ю.Д. *Избранные труды, том I. Лексическая семантика*. Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- Верещатина Е. Ю. *Коннотативные компоненты в структуре значения коллоквиальных интерперсональных глаголов современного немецкого языка. Res philologica: Ученые записки*. 2007; Выпуск 5: 103 – 109.
- Кронгауз М.А. *Семантика: учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений*. Москва: Издательский центр «Академия», 2005.
- Филиппов К.А. *Лингвистика текста: курс лекций*. Санкт-Петербург: Издательство. С.-Петерб. ун-та, 2003.
- Шендель Е.И. Внутренняя организация текста. *Иностранные языки в школе*. 1987; Выпуск 4: 9 – 12.
- Земская Ю.Н., Качесова И.Ю., Комиссарова Л.М., Панченко Н.В., Пешкова С.Н., Чувакин А.А. *Основы теории текста: учебное пособие*. Барнаул: Издательство Алт. ун-та, 2003.
- Bukowski O. *Das Lachen und das Streicheln des Kopfes*. Berlin: Gustav Kiepenheuer Bühnenvertriebs-GmbH, 1991.
- Kapusta D. *Personentransformation: Zur Konstruktion und Dekonstruktion der Person im deutschen Theater der Jahrtausendwende (Theaterwissenschaft)*. München: Herbert Utz Verlag, 2011.
- Кузнецова Т.Я., Поликарпов А.М. Роль косвенной анафоры в когерентности текста. *Наука – северному региону*. Сборник научных трудов. 2004; Выпуск LX: 148 – 157.
- Храковский В.С. Вербоцентрический подход к конструкциям и/или грамматика конструкций. *Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты: сборник статей в честь 80-летия Игоря Александровича Мельчука*. Москва: Языки славянской культуры, 2012.
- Лингвистический энциклопедический словарь*. Под редакцией В.Н. Ярцевой. Москва: Сов. энцикл., 1990.
- E-VALBU: elektronisches Valenzwörterbuch deutscher Verben. Available at: <https://grammis.ids-mannheim.de/verbs>
- Frisch M. *Biedermann und die Brandstifter: Ein Lehrstück ohne Lehre. Mit einem Lehrspiel*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004.
- Bukowski O. Inszenierung eines Kusses. *Spectaculum 62. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1996: 21 – 63.
- Dobrow D. *Divas. Spectaculum 62. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1996: 64 – 124.
- Jelinek E. Totenauberg. *Spectaculum 56. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1993: 91 – 136.
- Kuhlmann H. Engelchens Sturmlied: Komödie. *Spectaculum 55. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1993: 103 – 143.
- Loher D. Tätowierung. *Spectaculum 57. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1994: 55 – 108.
- Roth P. Die Hellscher. *Spectaculum 60. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1995: 175 – 212.
- Turrini P. Alpenglühén. *Spectaculum 59. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1995: 249 – 278.

References

- Weinrich H. *Textgrammatik der deutschen Sprache*. Mannheim, Leipzig, Zürich: Duden-Verlag, 1993.
- Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov. *Semiotika: antologiya*. Moskva; Ekaterinburg, 2001: 45 – 110.
- Aprasyan Yu.D. *Leksicheskaya semantika. Sinonimicheskie sredstva yazyka*. Avtoreferat dissertatsii ... doktora filologicheskikh nauk. Minsk, 1983.
- Stepanov Yu.S. *V trekhmernom prostranstve yazyka*. Moskva: Nauka, 1985.
- Susov I.P. *Lingvisticheskaya pragmatika*. Vinnitsa: Nova Knyga, 2009.
- Tokarev G.V. *Vvedenie v semiotiku*: uchebnoe posobie. Moskva: FLINTA, 2013.
- Sherstyanykh I.V. *Teoriya rechevykh zhanrov: lekcionno-prakticheskij kurs dlya magistrantov*. Moskva: FLINTA, 2013.
- Levickij Yu.A. *Lingvistika teksta*. Moskva: Vysshaya shkola, 2006.
- Bart R. *Избранные работы: Семиотика: Поэтика*. Moskva: Progress, 1989.
- Zuckmayer C. *Der Hauptmann von Köpenick: Theaterstücke*. Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag GmbH, 1995.
- Akvazba E.O. *Denotativnoe i konnotativnoe znachenie slova v hudozhestvennom tekste (Na materiale leksiki rastitel'nogo i zhivotnogo mira v proizvedeniyah M.M. Prishvina)*. Dissertatsiya ... kandidata filologicheskikh nauk. Tyumen', 2004.
- Aprasyan Yu.D. *Избранные труды, том I. Лексическая семантика*. Moskva: Shkola «Yazyki russkoj kul'tury», Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1995.
- Vereschagina E. Yu. Konnotativnye komponenty v strukture znacheniya kollokvial'nykh interpersonal'nykh glagolov sovremennogo nemeckogo yazyka. *Res philologica: Uchenye zapiski*. 2007; Vypusk 5: 103 – 109.
- Krongauz M.A. *Semantika: uchebnyk dlya stud. lingv. fak. vyssh. ucheb. zavedenij*. Moskva: Izdatel'skij centr «Akademija», 2005.
- Filippov K.A. *Lingvistika teksta: kurs lekcij*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo. S.-Peterb. un-ta, 2003.
- Shendel's E.I. Vnutrennyaya organizatsiya teksta. *Inostrannye yazyki v shkole*. 1987; Vypusk 4: 9 – 12.

17. Zemskaya Yu.N., Kachesova I.Yu., Komissarova L.M., Panchenko N.V., Peshkova S.N., Chuvakin A.A. *Osnovy teorii teksta: uchebnoe posobie*. Barnaul: Izdatel'stvo Alt. un-ta, 2003.
18. Bukowski O. *Das Lachen und das Streicheln des Kopfes*. Berlin: Gustav Kiepenheuer Bühnenvertriebs-GmbH, 1991.
19. Kapusta D. *Personentransformation: Zur Konstruktion und Dekonstruktion der Person im deutschen Theater der Jahrtausendwende (Theaterwissenschaft)*. München: Herbert Utz Verlag, 2011.
20. Kuznecova T.Ya., Polikarpov A.M. Rol' kosvennoj anafory v kogerentnosti teksta. *Nauka – severnomu regionu. Sbornik nauchnyh trudov*. 2004; Vypusk LX: 148 – 157.
21. Hrakovskij V.S. Verbocentricheskij podhod k konstrukcijam i/ili grammatika konstrukcij. *Smysly, teksty i drugie zahvatyvayushie syuzhety: sbornik statej v chest' 80-letiya Igorya Aleksandrovicha Mel'chuka*. Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2012.
22. *Lingvisticheskij "enciklopedicheskij slovar"*. Pod redakciej V.N. Yarcevoj. Moskva: Sov. "encikl.", 1990.
23. E-VALBU: elektronisches Valenzwörterbuch deutscher Verben. Available at: <https://grammis.ids-mannheim.de/verbs>
24. Frisch M. *Biedermann und die Brandstifter: Ein Lehrstück ohne Lehre. Mit einem Lehrspiel*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 2004.
25. Bukowski O. Inszenierung eines Kusses. *Spectaculum 62. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1996: 21 – 63.
26. Dobbrow D. Diva. *Spectaculum 62. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1996: 64 – 124.
27. Jelinek E. Totenauberg. *Spectaculum 56. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1993: 91 – 136.
28. Kuhlmann H. Engelchens Sturmlied: Komödie. *Spectaculum 55. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1993: 103 – 143.
29. Lohr D. Tätowierung. *Spectaculum 57. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1994: 55 – 108.
30. Roth P. Die Hellseher. *Spectaculum 60. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1995: 175 – 212.
31. Turrini P. Alpenglühn. *Spectaculum 59. Moderne Theaterstücke*. Frankfurt am Main, 1995: 249 – 278.

Статья поступила в редакцию 27.02.18

УДК 8; 81: 81-115

Vakhitova T.F., postgraduate, M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University (Ufa, Russia), E-mail: tanzilusha_v@mail.ru

NATIONAL AND CULTURAL IDENTITY OF THE LINGUISTIC VIEW OF THE WORLD AND THE ROLE OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN ITS STRUCTURE. The article presents a study of the specificity of the linguistic view of the world, which has recently received a wide interpretation in modern scientific literature. The author emphasizes a problem and relationship of such categories as language and culture, language and thinking. The task of the research is to describe the characteristic features of the linguistic view of the world, to define the national and cultural semantics of somatic phraseological units in the Kazakh and Russian languages and their role in linguistic view of the world. The author considers an identity of the national linguistic view of the world by comparative analysis of two ethnic groups – Kazakhs and Russians. The research describes views of some scientists on the complex nature of the linguistic view of the world, gives an interpretation of this concept, taking into account which the author formulated her own definition. The results of the research provide an opportunity for a deep understanding of the national mentality, which is a necessary criterion in intercultural communication.

Key words: view of the world, linguistic view of the world, national linguistic view of the world, linguistic consciousness, national and cultural identity, phraseology.

Т.Ф. Вахитова, аспирант Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа, E-mail: tanzilusha_v@mail.ru

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА И РОЛЬ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЕЕ СТРУКТУРЕ

Статья посвящена изучению специфики феномена языковой картины мира, получившего в последнее время широкую интерпретацию в современной научной литературе. Автором освещается проблема и прослеживается связь таких категорий, как язык и культура, язык и мышление. Цель исследования состоит в описании характерных черт языковой картины мира, определении национально-культурной семантики соматических фразеологизмов, функционирующих в казахском и русском языках, и их роли в ракурсе отражения ЯКМ. Автором также рассматривается своеобразие национальной языковой картины мира посредством сопоставительного анализа фрагментов ЯКМ двух этносов – казахов и русских. В работе излагаются взгляды некоторых ученых на сложную природу языковой картины мира, даются толкования данного понятия, с учетом которых автором было сформулировано собственное определение. Результаты проведенного исследования дают возможность глубокого понимания национального менталитета, что является необходимым критерием в межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, национальная языковая картина мира, языковое сознание, национально-культурная специфика, фразеологизм.

В век установления, развития и укрепления широкомаштабных международных контактов в центре особого внимания языковедов находится феномен межкультурной коммуникации, связанный непосредственно с такими процессами, как развитие языков и взаимное обогащение культур. На сегодняшний день одной из актуальных и обсуждаемых тем современной лингвистики и связанных с ней прикладных дисциплин является изучение сложной природы многоаспектного феномена языковой картины мира. Общность знаний о мире, о языке, культуре предостерегает возникновение «коммуникативных помех» и способствует построению взаимоуважительного, гибкого и продуктивного диалога.

Актуальность данного исследования состоит в том, что, во-первых, понятие языковой картины мира в настоящее время остается в стадии формирования: предпринимаются попытки построения его развернутого определения, теоретически обсуждаются вопросы отделения ЯКМ от близких феноменов и описания характерных ей черт. Во-вторых, настоящая работа дает ответ возросшему интересу к проблемам междисциплинарного пересечения гуманитарных наук, в том числе к проблемам лингвокультурологии и смежных с ней отраслей.

В языкознании в последние годы появилось значительное число работ, посвященных изучению лингвокультурологических особенностей языковой картины мира и послуживших для данного исследования в качестве методологической базы (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, С.Г. Тер-Минасова, И.Ю. Марковина, Ю.А. Сорокин, В.А. Маслова и др.).

Новизна исследования заключается в выявлении и анализе национально-культурной семантики соматических (имеющих отношение к телу человека) фразеологизмов, функционирующих в казахском и русском языках, и определении роли данных единиц в ракурсе отражения национальной языковой картины мира.

Понятие «картина мира» является междисциплинарным и используется в различных отраслях научного знания: в философии (работы В.С. Степина, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна), психологии (труды А.Н. Леонтьева и С.Д. Смирнова), культурологии (работы Д.С. Лихачева, Г.Д. Гачева, Ю.М. Лотмана), литературоведении (труды М.М. Бахтина, А.К. Жолковского, Ю.К. Щеглова), лингвистике и семиотике (работы В. Цивьян, Г.Д. Гачева, В.Н. Топорова, Е.С. Яковлевой) и др.